Озерный дух

Автор:

Ольга Гусейнова

Озерный дух

Ольга Вадимовна Гусейнова

Любой достоин любви, будь то озерный дух или воин с изломанной душой. Каждый может встретить свое счастье. А вот позволит ли себе любить, не упустит ли шанс?.. Об этом моя сказочная история.

Ольга Гусейнова

Озерный дух

Глава 1

Сумерки сначала стелились по земле, забираясь в овраги и лощины, застывая между стволами деревьев, и постепенно густели, погружая заповедный дремучий лес во тьму. Душный летний вечер неохотно уступал прохладе ночи. В этот пограничный вечерний час стихали дневные обитатели леса, укрываясь на покой в дуплах, норах, потаенных гнездах, под корой и корягами, чтобы переждать опасное время, а ночные наоборот выбирались на охоту.

И именно сейчас тишину нарушило хриплое шумное дыхание и неровный топот заплетающихся ног уставшего человека. По лесу то бежала, то продиралась сквозь кустарник, то пыталась отдышаться, опираясь о ствол дерева юная девушка. Длинная льняная юбка беглянки цеплялась за колючие ветки дикой

малины, покрываясь новыми прорехами. Рубашка тоже порвалась, когда девушка, получив хлесткий удар веткой по лицу, судорожно всхлипнув от боли, привалилась к стволу дерева плечом. После, вытерев рукавом текущие по бледным щекам слезы, оттолкнулась, не заметив, как плечом зацепилась за сучок, дернула рукой, вырвав клочок, и вновь упорно продолжила свой путь.

Лишь куничка, притаившаяся в чужом дупле на том самом дереве, услышала печальный лихорадочный шепот лесной гостьи: «Пусть так, пусть больно, но не могу больше... за что же так со мной...»

Темная коса растрепалась, и в облаке волос узкое миловидное девичье личико с темными кругами вокруг ярких зеленых глаз стало пугающе бледным. Девушка напоминала безумное привидение, в темный ночной час вышедшее на охоту за душами несчастных путников.

Между деревьев сверкнула водная гладь, которую заливала медленно выплывающая из-за облака луна. Беглянка судорожно вздохнула, словно избавление от мучавшей ее боли уже совсем близко и ускорила шаг. Но она добиралась сюда с самого раннего утра, не ела уже пару дней и слишком устала, ноги заплетались, и силы иссякли. Зацепившись за незаметный в темноте корень дерева, она споткнулась и растянулась, ссадив ладони. Кое-как уселась, обняла руками ушибленные колени и слезы от боли и обиды полились нескончаемым потоком. Девушка попыталась вытереть их, размазывая кровь и грязь по лицу. Затем с трудом встала, отчаянно всхлипывая и кряхтя, и пошатываясь от слабости, поплелась дальше, ведь конец ее пути уже близок, впрочем, как и всей жизни.

Деревья расступились, и несчастная увидела огромное красивое озеро, с трех частей света скрытое от мира высокими неприступными скалами, и лишь с той стороны, откуда она пришла, к нему можно было добраться. Правда, если хозяйка леса подпустит.

Вот и заветный берег. Девушка подошла к темной воде, в которой серебрилась луна, и присела, вглядываясь в свое отражение. Совсем молоденькая, шестнадцать годков только исполнилось, вся жизнь была впереди. А теперь нет ничего, совсем ничего, и желания жить тоже. Разве ж можно с таким позором жить дальше? Смотреть в глаза людям? Да и как?

Так она просидела какое-то время, пригорюнившись, глотая слезы и умирая в душе перед отчаянным шагом. Но выхода нет. Рваная рубашка полетела на землю, за ней – юбка, ботинки. Оставшись в нижней рубахе, светившейся белым пятном в ночи, девушка ступила в непроглядную, словно живую темень воды, манящую найти в ней забвение. Ей было до жути страшно расставаться с жизнью, но она покорилась судьбе. Все мосты сожжены, и в этом, как поговаривают в округе, заколдованном озере, скоро на одну утопленницу станет больше. Один конец...

Темная прохладная вода обступила бледные узкие ступни, медленно подобралась к коленям. Девушку знобило, но не от холода, а от страха, слабости и сотни сомнений, но она упорно шла вглубь, поднимая круги на воде, которые заставили дрогнуть серебристую лунную дорожку. А еще соленые капельки слез все сильнее бежали по щекам и, срываясь, падали в воду.

– Не поздновато искупаться решила, милая? – вдруг услышала будущая утопленница, вздрогнула и судорожно огляделась, а увидев вопрошавшую, потрясенно замерла.

Прямо к ней по лунной дорожке, не касаясь воды, приближалось невероятной красоты видение: юная девушка с золотыми развивающимися волосами, украшенными цветами, вместо наряда ее тело окутывал искрящийся серебристый туман. Она, казалась сотканной из света и лучилась изнутри, невольно вызывая невероятный восторг.

– Кто ты? – сипло от волнения, слез, и благоговей перед чудным призраком, спросила невольная ночная купальщица, стоя почти по пояс в воде.

– Я? – рассмеялось сказочное видение, как будто наполнив окружающую тишину звоном хрустальных колокольчиков. – Я – Озерный Дух и Хозяйка этого леса. А ты?

– Маняша, – шмыгнула носом вероятная утопленница, стыдливо пожав щуплыми плечиками.

– И что же ты тут в такой час забыла? – замерла на краешке лунной дорожки Озерный Дух.

Маняша тяжело вздохнула, поводила ладошками в воде, словно юбку смущенно оглаживая.

- Да так... - шепотом смогла выдать она.

- Топиться собралась? - участливо спросила Дух.

- Ага, - шепнула Маняша, отводя взгляд и невольно уставившись на свое отражение в темной воде. Бледная, расхристанная, с синяками под глазами и расцарапанным лицом - краше в гроб кладут. Еще живая, а выглядит...

- Да что ж вам тут - медом что ль намазано? - рыкнула Озерная Дева, заставив несчастную вздрогнуть от страха. - Ты думаешь, мне приятно, когда в мое чистое озеро топиться лезут?! А что мне с вами всеми потом-то делать?

- Ой, да неужто мы тебе тут слишком мешаемся... - раздался справа от Маняши незнакомый нахальный голос.

Она дернулась, сжимая кулачки у груди, и обернулась. Прямо из воды выплыло привидение довольно дородной, но, вероятно, когда-то молодой женщины с распухшим синюшным лицом.

- Изыди, Мири! - шикнула Дух на новую участницу действия.

Маняша не выдержала и, завопив от страха, ринулась на берег, подальше от утопленницы.

Мири флегматично пожала призрачными плечами:

- Зато, поди, как доходчиво. Второй раз топиться в нашем озере она не отважится.

- Развею... - грозно прошипела Дух.

- Ой, да ладно тебе, - совершенно не испугавшись, махнула рукой толстуха и под ошарашенным взглядом Маняши, словно рыбешка какая-то, нырнула в воду, блеснув на миг прозрачными пятками.

А прекрасное видение подлетело к берегу, и на траву ступила уже почти обычная и скорее милая, чем красивая девица в светлом сарафане, одетом поверх рубашки с длинным рукавом, а не прекрасный бесплотный озерный дух, окутанный искрящимся туманом.

Маняша судорожно вздохнула, дивясь преображению, но теперь воспринимать незнакомку стало гораздо проще, привычнее что ли. Правда, ноги все же подвели несчастную, измученную голодом и горем, усталую девушку: она обессилено осела на траву, руки плетью упали на колени, и слезы сами собой потекли из глаз. Утопиться не получилось, а что делать дальше, Маняша не знала.

Симпатичный Дух присела на корточки рядышком.

- Расскажи, что случилось, милая? - спросила она.

Маняша всхлипнула, мотнув головой, дальше и вовсе уткнулась лбом в колени. Ей было стыдно, ей было больно, и...

- Любимый бросил? - продолжала выпрашивать Хозяйка леса.

Но девушка продолжала молчать, лишь узкими худенькими плечиками передернула, подсказывая, что любопытствующая сущность неправа.

- Замуж за старика выдают? - настойчиво пыталась добраться до сути Озерная Дева, и ответное молчание заставило продолжить перебирать причины одна горемычнее другой. - Сироткой стала? Свекровь извести хочет? Не замужняя, да беременная?

На последнем вопросе Маняша вздрогнула всем телом, затем сжалась, словно боялась удара и со стоном отчаянья выдохнула:

- Да-а-а...

- Да как же так? - расстроилась Хозяйка. - Ты - топиться, а ребеночек?

Девчонка, не выдержав обвинения, прозвучавшего в изумленном голосе Озерного Духа, напора своих мыслей, сомнений, страхов, терзавших вторые сутки. Закрыв лицо руками, разрыдалась, громко, с подвыванием, полностью погружаясь в пучину отчаяния.

Дух, немало обеспокоившись искренним горем полуженщины-полуребенка, подседа поближе, неуверенно протянула руку, погладила ее по голове. И чуть было не уселась на траву, потому что Маняша подалась к ней всем телом, обняла и, захлебываясь слезами, начала выплескивать наболевшее и мучавшее:

– Я в Мадине живу, городе-крепости, там, – она махнула рукой, – за вашим лесом который... Пару месяцев назад наш король войною пошел на Волху... соседнее королевство... а к нам прислали чуть ли не армию... Они же защищать должны были... а они...

– А они что? – грустно переспросила Дух, уж подобных историй она за сотню своих лет, ой, как наслушалась, да горемычных из озера вытаскивала.

– Меня замуж сосватали, да свадьбу играть должны были на следующей седмице, за любого мне. А пару месяцев назад меня поймали двое... в лавке прямо... отца закрыли, и утащили...

– И? – совсем тихо выдохнула Хозяйка, поглаживая по темным растрепанным волосам несчастную.

– Два дня... пользовали... едва жива осталась, – проревела Маняша, потом чуть отстранилась и безумными глазами посмотрела на невольную слушательницу. – Я домой, а там... мне сказали, что лучше б померла, чем теперь такая... отец... и жених и... каждый отвернулся, а некоторые и позлословили. Я пыталась забыть, но знахарка сказала, что семя всходы дало...

– Э-э-эх-х! – громко выдохнуло привидение Мири рядом. – И со мной так же было, да только дитя от насильника не понесла.

Маняша вздрогнула при виде утопленницы и опять залилась слезами.

– Меня мать к знахарке послала, чтобы вытравить ублюдка из чрева, а я не смогла, сбежала. Домой хода нет, отец прибьет, ему на меня каждый горожанин пальцем тычет, да и в Мадину тоже... – девушка судорожно вздохнула, в отчаянье выплюнув. – Я себя для Ирана хранила, для любимого, а теперича даже не знаю, кто отец моего ребенка...

Мири зависла рядом, сочувственно качая головой, а вскоре подле них проявились еще три женских привидения. И каждая цокала призрачным языком и качала головой. Да только Маняша уже находилась в таком состоянии, что их искренняя поддержка и сочувствие быстро нашли в ее сердце отклик и заставили отступить естественный страх перед здешней нечистью.

– А почему ты не переехала куда-нибудь? – осторожно спросила Дух, чистыми зелеными глазами пытливо заглядывая в лицо молоденькой страдальицы.

– Куда? – опустошенно спросила та, подолом утирая распухший сопливый нос. – Кому я надобна – без денег и в положении? – она вновь тяжело вздохнула, отлипая от Хозяйки леса и поджимая колени к груди. – Никому! Вот и решилась... в вашем озере утопиться вместе с ним. Вместе!

– А зачем так далеко идти-то было? – снова влезла настырная синюшная Мири.

Маняша положила голову на колени, устало вздохнула и ответила:

– Да просто слухи по Мадине ходят, что озеро ваше зачарованное. И дух здесь живет, который лес защищает от зла и скверны...

– И что? – пискнула удивленно еще одна утопленница, заинтересованно слушая рассказ и жалостливо глядя на несчастную.

Им же скучно здесь, народ-то живой почти не ходит, а вишь, вот какое яркое событие в кои веки приключилось.

– Ну я и решила... что ежели топиться, то в хорошем месте.

– Чтобы испоганить, значит? – ехидно хмыкнула Мири, тут же получив осуждающий взгляд Хозяйки.

Маняша приподняла голову, сжала кулачки перед грудью и честно выпалила:

– Нет, нет, ни в жисть. Я просто смекнула, что может это хорошее место душу младенчика моего защитит. А то мало ли как бывает... потом. Вот наш святой отец про ужасы всякие рассказывает, ну и я...

По группке утопленниц пробежались понимающие смешки. Даже Озерная Дева улыбнулась. Затем мягко спросила:

– Маняш, а если б у тебя деньги были, жила бы дальше? Родила бы?

Девушка грустно хмыкнула, но кивнула, не веря уже ни во что.

– А двух детей поднимать согласилась бы? Своего и чужого, но как своего! – снова спросила Хозяйка, внимательно глядя на девушку.

Маняша удивилась, но снова согласно кивнула.

Неожиданно Дух крикнула:

– Кузьма, Кузьма, беги сюда, дело есть!

Буквально через несколько мгновений из леса выскочил постреленок лет пяти, а за ним трусил – большой серый волк. Маняша напугалась до ужаса – вдруг съест. Да только мальчик спокойно держался за холку зверя и ничего не боялся.

– Познакомься, Кузьма, это Маняша. Она сестрицей твоей названной будет теперь.

Пацан нахмурил темные бровки, выпятил подбородок и обиженно спросил:

– Тина ты меня гонишь что ли?

– Ну ты что? Кузенька? – Дух подскочила, метнулась к мальчугану и крепко обняла. – Мы же говорили, что ты скоро станешь большим совсем, и что ты тут делать будешь? По лесу бегать? А семью с кем заведешь? С русалками? Или

кикиморой?

– Вы меня не любите совсем! – крикнул Кузьма, обнимая Тину ручками.

Привидения всполошились, и дружно кинулись обниматься с Духом и пацаном, громко и наперебой уверяя, что кто как не они его любят, холят и лелеют. Теперь Хозяйка леса, мальчик, утопленницы виделись Маняше словно сквозь туман. Сумерки уже сменились ночью, и лишь полная луна давала свет, отражавшийся от озерной глади. Девушке все больше мнилось, что она таки утопла, и все это ей теперь... снится? Она неосознанно потеряла глаза.

А когда рядом с ней, тяжело вздохнув, завалился огромный волчище, то и вовсе забыла, как дышать. Но зверь вел себя смирно, что ручной пес, его тело было горячим и приятно согрело живым теплом, ведь рубашка-то на ней промокла. Потом, незаметно для себя, пока пацан играл на нервах у призраков и Озерной Девы, совсем как обычное дитя, окруженное кучей мамок и нянек, привалилась к мягкому боку хищника и уснула.

По утру ее ждала вкусная сытная каша и рассказ про Кузьму. Оказалось, его судьба не менее печальная, чем и у Маняши. Мальчика, будучи несколько дней отроду, бросили в лесу. А сюда, к озеру, младенчика принес серый волк, которого когда-то, по случаю, спасла Хозяйка, отведя глаза охотникам от раненного животного. Вот и рос Кузя среди зверья да русалок.

Маняша настолько прониклась его судьбой, что сама под села к будущему братцу и обняла за плечи, глотая слезы. Про свою беду она уже как-то перестала кручиниться, ведь она же взрослая и сильная, а мальчонка...

Тина с щемящей тоской и нежностью смотрела на Кузьму, ведь по сути, она его выкормила, а теперь отсылает. И снова останется хоть и не одна, но без живого человеческого тепла. Но так надо: для Маняши и Кузи будет лучше.

– Маняш, Серый вчера раскопал старый разбойничий клад, который проныра-лиходей один схоронил, да воспользоваться награбленным не успел, убили его лет пятьдесят назад. Сейчас соберетесь, клад на Серого навьючим, он вас проводит до города, да и там с ним поспокойнее будет. Пока не устроитесь, он за вами присмотрит, покараулит, да и я пригляжу... как смогу.

Маняша, распахнув глаза от изумления, внимала Тине, а потом внезапно рухнула на колени перед ней и, прижав руки к груди, со слезами выдохнула:

– Хозяйка, спасибо тебе. Век не забуду и...

Тина резко подняла руку, но произнесла спокойно и с мягкой улыбкой:

– Не свое отдаю, посему негоже лишних поклонов бить. За те деньги чужой кровью заплачено, а ты очистишь их, деток вырастишь в заботе да сытости. И сама, надеюсь, от своего счастья прятаться не станешь.

Маняша встала, грустно усмехнулась:

– Нет, знаю я теперича, чего стоит мужская любовь. Не надобна мне такая. Без нее проживу свой век.

– Глупенькая, – услышала она залиvistый хохот с берега. Обернувшись, Маняша увидела пару хорошеньких лицом русалок, что лениво хлопая рыбьими хвостами на мелководье, смеялись над ней наперебой: – Мужчины такие горячие... мужчины такие страстные...

– Цыц, вертихвостки! – шикнула Тина на обитательниц таинственных вод, известных своими повадками. Затем обняла Маняшу и тихо шепнула: – Я сама не знаю, но слышала от живых, и вода шептала, что любовь – она такая... всепрощающая и всепонимающая. Если встретишь ее в ком-то, не отворачивайся, не делай больно другому, как сделали недавно тебе. Дай себе шанс на счастье. Обещаешь?

Маняша сглотнула от переизбытка чувств и ответила сиплым голосом:

– Обещаю!

– За мальцом нашим присмотри... как любящая мать. Обещаешь? – едва слышно потребовала Дух.

– Клянусь! – снова выдохнула Маняша.

Вокруг нее словно колокольчики звякнули: то магия озера обещание приняла.

А вскоре Тина сама плакала, зависнув туманом над озером и глядя вслед удаляющейся троице: беременной девчонке, нагруженному дорогим добром волку, да мальчику, который шел и часто оглядывался, махая ручонкой. Пусть не навсегда расстанутся, и присмотреть Тина сможет, но как же больно и страшно за него. Но – надо! Человеческому мальчишке лучше будет среди своих. Тем более, когда теперь есть и приемная мать, и средства для жизни.

Глава 2

– Тина, ну Ти-и-ин, а ну брось! Ишь чего удумала – хандрить, – Мири подлетела поближе к Хозяйке, сидевшей на кочке и с тоской глядевшей вдаль.

Та откинула золотисто-пшеничную косу за спину, кончик которой так и норовил окунуться в воду, виновато улыбнулась привидению, потом, сорвав травинку, начала возить ею по воде.

– Не знаю – что со мной, тоскливо что-то, в груди ноет... – тяжело вздохнув, тихо посетовала Дух.

– Любовь это, любовь, любовь, любовь... – наперебой защебетали русалки, брызгаясь водой и гоняясь друг за дружкой.

Мири, сложив призрачные, днем почти невидимые руки на внушительной с виду, но бесплотной груди, осуждающе покачала головой, глядя на непоседливых, легкомысленных русалок, и заискивающе предложила:

– А давай посмотрим на них снова? А, Тин?

– Думаешь? – вскинула на подругу сразу засиявшие голубые глаза Озерная Дева.

– А чего тут думать? – усмехнулась призрак. – У тебя душа болит за ребятенка, которого растила пять лет. Чай ведь не чужой малец-то теперь. Вот и страдает сердечко твое... даром, что ты лишь наполовину человек.

Тина улыбнулась, от чего на ее бледном, но милом личике еще ярче засветились глаза. Очаровательно наморщив носик, смущаясь, она поднялась и, обернувшись бесплотным духом, шагнула на водную гладь и зависла над ней. Затем, окунув палец в воду, стряхнула капельку, от которой побежали круги, образуя зеркальную поверхность.

– Нет, не то, не то и это не то, – шептала Озерная Дева, стряхивая новые и новые капельки, сменяя изображения на «зеркале», и наконец счастливо вскрикнула: – Нашла!

Мири и вскорости остальные привидения столпились вокруг Хозяйки леса, активно обсуждая и жестикулируя, глядя на отражение общего любимца Кузьмы. Тот стоял возле птичьей поилки и, приговаривая «цыпа-цыпа», бросал наземь зерно и очистки, а вокруг него, деловито клевали корм куры и гуси.

– О-о-о, смотри Тиночка, наш постреленок скоро хозяином станет, видишь, они живность завели. Зимой будет что кушать... – запищала самая впечатлительная утопленница.

– Батюшки светы, да Маняшка дом-то, смотри, как обиходила и ворота покрасила и дверь дубовую справила... а ставни... ставни-то цветами расписала... – восторженно воскликнула вторая.

– Еще бы, на наши-то денежки и королевной стать теперь сможет, – заворчала третья, самая старая, что своей смертью померла, но душу ее что-то не отпускало в мир иной.

– Ой, да ладно тебе, Ниловна, не ворчи. Хорошая баба-то Маняшка оказалась, работающая. И пекарню открыла, и Кузьму к хозяйству приучает, и видно ж, что не чужой ей наш парнишка, – благодушно заметила Мири.

Тина замерла с улыбкой на устах, глядя на мальчика. А услышав, как Маня – так в миру кличут теперь ее подопечную – ласково позвала с крыльца:

– Кузенька, родимый, иди я на стол собрала. И Серого зови, а то он всех несусшек нам распугает своей голодной мордой! – ощутила, что на душе полегчало.

От умильной картины человеческого быта группку восторженной нечисти женского облика отвлек вопль лешего:

– Хозяйка, хозяйка, беда! Беда у нас, беда!

Из-за ближайших кустов возник дедок-лесовичек, похожий на огромную сосновую шишку, с ручками, ножками и глазками-пуговками. За ним поспешали еще двое «шишек», но поменьше: внучата его.

– Что случилось, Никифор? – Тина подлетела к берегу и ступила на него в человеческом виде.

– Беда... – вздохнул дед, покрхтывая, присел на корточки и сложил ручки-веточки. – Дурень этот, король Мадинский пошел войной на Волху...

Озерная Дева, тоже опустившись на корточки возле Никифора, погладила его по веточкам, делясь силой. Совсем старенький лешак стал, хорошо, что сыновья и внуки есть, будет кому смену принять, да лес обихаживать.

Вездесущая Мири встряла в разговор:

– Ты чего, старче, только проснулся что ль? Про ту новость еще весной талдычили все кому не лень. Уж осень на носу, а ты, – и передразнила лешего, – «бьада-а-а»...

Никифор резко замахал руками на толстушку.

– Вот бабы – завсегда вперед лезете... – проворчал он. – Все, конец Мадине. Под стенами города стоят воины Волхи. У самого края нашего леса палатки ставят, да к осаде готовятся. Что буде-ет...

– А чего будет? – удивилась Тина. – Люди постоянно с кем-нибудь воют, но сюда, к нам, пришлые не ходят... боятся.

– Ой, бабы, ой, бабы глупые-е-е... А ты-то, хозяйка... от тебя не ожидал, – кипел праведным гневом старичок. – Простому люду-то куда деваться, пока короли да бароны богатства да землю делят? Они ведь в лесу от войны хорониться

будут...

- Ты сказал, что волховцы на краю моего леса встали... - напомнила Тина. - Так что сюда не побегут.

- Да, мадиновские к нам не побегут и то хлеб, а эти ироды волховцы мой лес рубят... да костры палят. А поди спалят... все...

- Я присмотрю, чтобы не перестарались, - пообещала Хозяйка, успокаивая лешего.

- У меня ж сердце за каждое деревце болит, а эти чернушники жгут и жгут без роздыху... - продолжал стенать лешак.

- А почему - чернушники? - снова вмешалась Мири, а остальные любопытствующие призраки плотно обступили Никифора.

- Дык возглавляет их барон волховский. Бают, самый грозный генерал ихнего короля. Как где совсем худо - его и посылают.

- И что? - не поняла Тина.

- А то! Нарекли его в народе Черным генералом. Род его так зовется. И герб черный, и палка главная тоже, и армия его вся в черном. Аки демоны какие...

- А звать-то его как? - пискнула субтильного образа утопленница.

- Мне-то откель знать? - рыкнул лешак. - Я ему не тать и не мать, имя не давал, потому и не мне спрашивать...

- Черный, говоришь? - заинтересовалась Тина, вставая с колен, привычно отбрасывая косу за спину. Задумавшись, пошла к воде, пробормотав себе под нос: - Надо посмотреть, эка невидаль к нам пожаловал.

- Хорошо Кузеньку с Маней в другую сторону спровадили, а то войны им только не хватало... - в спину ей шепнула Мири, крестясь прозрачной рукой.

Глава 3

Тинантина зависла над водой бесплотным, пронизанным светом, духом в горизонтальном положении, лениво помахивая ногами, как обычная девушка, беззаботно лежащая на берегу. Подперев одной рукой щеку, второй – как обычно, создала капельку, которая томительно медленно полетела вниз. Ровная водная гладь побежала кругами, а Озерная Дева внимательно всматривалась в возникшее зеркало мира.

Рядом парили и ворчали привидения, отгоняя надоедливых, непоседливых русалок. Эти глупенькие, всегда готовые похихикать и повеселиться вертихвостки носились по озеру и пытались поймать русала, нечаянно заплывшего в чужие владения.

Тина отрешилась от привычной суеты и начала «нырять» во все доступные ей водоемы: озерца, ручейки, лужи и даже тазики с водой в домах людей. Война!

Подготовка к войне на краю границ ее владений очень не нравилась Хозяйке леса – придется дополнительно защищать свое. В лужах на дороге к Мадине она пару раз видела отражения груженных повозок: люди, забрав пожитки и пропитание, спешили укрыться под защитой городских стен. А в самой столице углубляли колодцы. Из разговоров землекопов выходило, что в городе ждали осады и готовились к худшему. Мельницы гудели от натуги: мололи, мололи муку. Впрок пригодится, а нет – враг уничтожит.

И вода во всех водоемах королевства шептала сотнями голосов на разные лады: «Черный идет! Урод бесноватый! Бездушный! Безжалостный! Самый верный, непобедимый барон короля Волхи!»

Дух снова уронила капельку, уже почти без интереса, утомленно, в последний раз меняя картинку в зеркале и – замерла...

Быстрый веселый ручеек нес свои воды в Заповедный лес, прямо к ее озеру. Возле него сидел мужчина, облокотившись рукой о колено. Сразу видно – воин, потому что с головы до ног в доспехах, но в облегченных, в которых не так

тяжело двигаться, в отличие от тех, что Тина частенько видела на других рыцарях и воинах в зеркале. Рукой, одетой в перчатку, он держал шлем с черным пером на макушке, а второй – обнаженной, зачерпывал воду и плескал себе в лицо. Черные короткие волосы облепили его голову, он вспотел и точно устал.

Затаив дыхание от непонятого волнения, Озерная Дева разглядывала смуглое узкое лицо с резкими некрасивыми чертами: слишком выступающий нос, почти орлиный; глубоко посаженные глаза под густыми черными бровями; упрямый, чуть острый подбородок, обычные бледные губы, заросшее темной щетиной лицо. Его можно было бы назвать отталкивающим, если бы не агатово-черные глаза, которые словно в душу заглядывали.

Внимательно рассмотрев нездешнего жителя, Тина решила, что он невысокого роста и худощавый, судя по пропорциям, но в тоже время от него исходило ощущение неимоверной силы духа, воли. Такие мужчины не ломаются и не гнутся, всегда впереди и никогда не оглядываются назад, и не терзаются сомнениями.

Воин умылся и потер лицо ладонью, встряхнул рукой, разбрызгивая капли, и замер, пристально глядя в воду. Духу показалось, что он видит ее, словно они скрестили взгляды. Невероятно, но она была не в силах оторваться от мрачного, усталого лица и глаз, диссонирующих с обликом загадочного незнакомца напротив. Тина сразу определила, что нет в его жизни счастья, радости и... любви. Разве таким убийственным взглядом смотрят на мир счастливые люди? Нет, скорее такая отстраненность и презрительная холодность появляется лишь у тех, кто готов легко расстаться с жизнью. Но еще более странно, что в бесплотной сейчас груди Тины, заболело сердце от невольного сочувствия к этому одинокому мрачному мужчине.

Затем она услышала его голос, и все, происходящее по ее сторону зеркала, затихло, отошло на второй план. А внутри нее все завибрировало странной дрожью: то ли страха, то ли предвкушения... чего-то непонятого.

– Милорд... – обратился к нему кто-то, кого Тина не могла разглядеть, куст мешал.

– Я слушаю, – чуть хриловатым, глубоким голосом отозвался незнакомец.

– Милорд, дозорные поймали разведчика из Мадины. Правда, второй успел удрать...

– Как много он успел увидеть? – резко похолодевшим голосом спросил, как теперь стало понятно, волховский барон.

– Вполне возможно, что катапульты... милорд. А может и гораздо больше...

– Кто стоял в охране? – от ледяного тона воина даже Озерный Дух передернула плечами.

– Барон Ельский, мой господин. Точнее, его средний сын, сам барон не смог участвовать в этой кампании нашего Повелителя.

– Тогда ему повезло. У него, судя по всему, есть еще и старший, и младший сыновья, – бесцветным голосом произнес черноглазый милорд. – Ты меня понял, Ефим?!

Если бы Дух сейчас была в человеческой ипостаси, то точно вздрогнула бы от смысла, что таился за теми словами. И в тоже время она заметила, как в черных глазах на мгновение промелькнуло сожаление, которое, тем не менее, сменилось мрачной решимостью.

– Генерал... – раздался громкий мужской крик кого-то быстро приближавшегося, – ...генерал... лорд Черный, простите меня. Этого больше не повторится, я клянусь... я... не губите...

Тина опешила, сообразив, что наблюдала все время за тем самым пресловутым Черным – бездушным уродом, бесноватым и бессердечным.

Молодой воин, бряцая боевым облачением, приблизился к генералу и упал на колени перед ним, оправдываясь:

– Я виноват, милорд, проморгали мои парни, но мы не думали, что так скоро и...

– Девку деревенскую они с собой приволокли. И пока в охране стояли, барон развлекался. Ее крики далеко-о-о были слышны, – сдал нерадивого воина и,

видимо, насильника Ефим.

- Не пори ерунды, сержант, иначе....

- Сто плетей, - прозвучал холодный суровый приказ генерала, и хоть тон его голоса был ровным и негромким, перекрыл надменный возмущенный возглас виновника происшествия.

Черный встал, и теперь Тина смогла рассмотреть его еще лучше. Странные на нем были доспехи, как-то несуразно топорщились на спине, выпирая вправо. Первое впечатление оказалось верным: мужчина был худощав и невысок. Но странное дело - здоровяк Ельский все равно проигрывал рядом с ним. Сразу видно - слабак.

- Но... но это же верная смерть, генерал... - потрясенно выдохнул сын барона. А затем попытался угрожать. - Вы не посмеете, отец не простит, он...

- Ты поставил под удар всю кампанию. Моли бога, чтобы сбежавший разведчик только катапульты увидел, а если все остальное... Если выживешь, перед королем нашим будешь сам ответ держать. Увести!

Тина еще несколько мгновений морщилась от воплей Ельского, пока провинившегося воина тащили прочь. Потом ветер донес ей разговор других волховских рыцарей, явно осуждавших генерала, понося его последними словами, да только между собой, шепотом, дабы «бесноватый урод» не услышал.

А дальше картинка разбежалась кругами - замученный домогательствами водных обитательниц русал кинулся под защиту духа. И впервые Хозяйка с трудом удержалась от ругательств и применения магии, чтобы не надавать озорницам по рыбьим хвостам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/olga-guseynova/ozernyy-duh>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)